

RU

Специфика интерпретации пушкинского творчества
в символизме (В. Брюсов) и концептуализме (Д. А. Пригов)

Жилене Е. С.

Аннотация. Цель исследования – выявление образно-мотивных и структурно-композиционных особенностей обращения поэта-символиста В. Брюсова и поэта-концептуалиста Д. Пригова к личности и творчеству А. С. Пушкина, к пушкинскому мифу в знак продолжения литературной традиции. В статье рассматриваются не только формальные особенности брюсовской и приговской пушкинианы, но и их содержательно-смысловые пласты, открывающие видимые различия в рецепции образа гения русской словесности, продиктованные различиями не только эпохальными, но и теоретико-литературными. Научная новизна работы состоит в том, что автор впервые предлагает рассмотрение способов обращения к личности и творчеству А. Пушкина как единый непрерывный процесс, преодолевающий установки любых литературных направлений и течений вплоть до концептуализма. Сила пушкинского слова так велика, что оказывается сильнее установки на безыдейность, а обращение к образу Пушкина преодолевает даже провозглашение смерти автора, подтверждением чему оказывается пушкиниана Д. Пригова. В результате исследования установлено, что традиция обращения к пушкинскому слову жива и непрерывна, что она отражает особенности каждой эпохи и хода развития литературного процесса, а также что, вопреки манифестационным заявлениям концептуалистов о безыдейности «объектов» и тотальной игре с обломками соцреалистических канонов, поэзия Пригова уже на раннем этапе демонстрировала емкий смысловой потенциал, преодолевающий пределы концептуальных практик.

EN

The specifics of the interpretation of Pushkin's work
in symbolism (V. Bryusov) and conceptualism (D. A. Prigov)

E. S. Zhilene

Abstract. The purpose of the study is to identify the figurative-motional and structural-compositional features of the appeal of the symbolist poet V. Bryusov and the conceptual poet D. Prigov to the personality and work of A. S. Pushkin, to the Pushkin myth as a sign of the continuation of the literary tradition. The article examines not only the formal features of the Bryusov and Prigov Pushkin's works, but also their content and semantic layers, revealing visible differences in the reception of the image of the genius of Russian literature, dictated by differences not only epoch-making, but also theoretical and literary. The scientific novelty of the work consists in the fact that for the first time the author proposes to consider the ways of addressing the personality and creativity of A. Pushkin as a single continuous process that overcomes the attitudes of any literary trends and trends up to conceptualism. The power of Pushkin's word is so great that it turns out to be stronger than the attitude towards non-ideality, and the appeal to the image of Pushkin overcomes even the proclamation of the author's death, which is confirmed by D. Prigov's Pushkiniana. As a result of the study, it was found that the tradition of referring to the Pushkin word is alive and continuous, that it reflects the peculiarities of each epoch and the course of development of the literary process, and also that, contrary to the manifestational statements of conceptualists about the lack of ideas of "objects" and total play with the fragments of socialist realist canons, Prigov's poetry already at an early stage demonstrated a capacious semantic potential that overcomes the limits conceptual practices.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления путей и способов обращения в XX веке к главному русскому вопросу – вопросу самоопределения России, тайны русского национального характера и, как следствие, к фигуре А. С. Пушкина и к пушкинскому мифу. В основу исследования положен

сопоставительный анализ работ двух поэтов XX века, чье творчество выпало на переломное время, когда особенно остро встает необходимость осмысления путей развития России и самоидентификации, – символиста В. Брюсова и концептуалиста Д. Пригова. В статье сопоставляются и сравниваются способы обращения поэтов к пушкинской теме – прозаические тексты (пушкинианы) «Мой Пушкин» В. Брюсова и «Пушкинские места» Д. Пригова, а также ряд стихотворений обоих поэтов. Текст статьи приводит к доказательству непрерывности литературной традиции, и в этой связи можно говорить о преодолении концептуалистских практик в поэзии Д. Пригова. Подобный ракурс актуализирует новые опыты в современной отечественной прозе, потому что цель исследования представляется нам принципиально значимой.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть структурно-композиционную систему книг В. Брюсова «Мой Пушкин» и Д. Пригова «Пушкинские места» и выявить их основные формообразующие константы; во-вторых, обнаружить «общее место», пути соприкосновения и дифференцировать различия, продиктованные как принадлежностью к разным эпохам, так и к разным литературным направлениям; в-третьих, рассмотреть поэтическое творчество обоих поэтов, объединенное обращением к личности и творчеству Пушкина, и определить характер различий в обращении к заявленной теме, а также наметить пути преодоления Приговым концептуализма, этапы нарастания идейной и личностной позиции лирического героя поэтических текстов на пушкинскую тему.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: метод целостного анализа художественного текста, позволяющий осмыслить в неразрывной связи поэтику и проблематику как поэтических, так и прозаических текстов В. Брюсова и Д. Пригова; сравнительно-типологический, посредством которого в них были выявлены и общие родовые, сущностные черты, и особенности, характерные для символистов и «московских концептуалистов» в отдельности; психоаналитический метод, позволивший рассмотреть художественные тексты Пригова и Брюсова как сублимированное символическое выражение изначальных импульсов творцов. Комплексный подход, реализованный в статье, дает возможность открыть новые грани творческого своеобразия текстов символиста В. Брюсова и концептуалиста Д. Пригова, а также проследить дальнейшее развитие рассматриваемой литературной традиции.

Материалом исследования послужили не только произведения В. Брюсова и Д. Пригова, но и ряд литературно-критических статей В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, а также интервью с Д. А. Приговым:

- Белинский В. Г. Русская литература в 1841 г. 1842. [https://ru.wikisource.org/wiki/Русская_литература_в_1841_году_\(Белинский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Русская_литература_в_1841_году_(Белинский)).
- Блок А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М. – Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1962. Т. 6.
- Брюсов В. Мой Пушкин. М.: Т8RUGRAM, 2018.
- Брюсов В. Хвала человеку. М.: Эксмо, 2023.
- Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине. 1835. http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0490-1.shtml?ysclid=lxczng9ntk52258531.
- Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. 2017. <https://e.lanbook.com/book/97206>.
- Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк): речь, произнесенная Ф. М. Достоевским 8 июня 1880 г. в заседании О-ва любителей рус. словесности, во время открытия памятника Пушкину в Москве. 2010. <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1877-1880-1881/100/>.
- Пригов Д. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: НЛО, 2013. Т. 1. Монады.
- Пригов Д. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: НЛО, 2016. Т. 2. Москва.
- Пригов Д. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: НЛО, 2019. Т. 4. Места.
- Пригов Д. А. Стихограммы: прил. к журн. «А – Я». Париж, 1985.
- Пригов как Пушкин / с Д. А. Приговым беседует А. Зорин // Театр. 1993. № 1.

Теоретической базой работы явились труды по истории русской литературы конца XX – начала XXI века и вопросам художественного своеобразия современной поэзии. Прежде всего это работы, дающие понимание специфики творческого метода, особенностей поэтики Д. Пригова – М. Айзенберга (1997), И. Кукулина (2019), М. Липовецкого (Кукулин, Липовецкий, 2022), И. Скоропановой (2001), В. Курицына (1993; 2001), М. Ямпольского (2016), О. Богдановой (2004), В. Шмида (1994), а также коллективные издания о творчестве Пригова в контексте концептуализма и постмодернизма (Пригов и концептуализм, 2014; Липовецкий, Кукулин, Майофис и др., 2010). Кроме того, мы опирались на исследования М. Липовецкого (2008; 2019), О. Осьмухиной (2009), С. Гудковой (Осьмухина, Гудкова, 2019), Л. Зубовой (2000), высвечивающие жанровую и стилевую специфику современного литературного процесса и осмысливающие литературу постмодернизма.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении истории русской литературы XX века и творчества Дмитрия Пригова, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX–XXI веков в вузовском и школьном преподавании.

Обсуждение и результаты

После смерти А. С. Пушкина В. Г. Белинский (1842) писал: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим

развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего». Пророчество межэпохального диалога о Пушкине сбылось.

Среди литераторов, писавших о Пушкине, можно выделить наиболее известные и значимые труды: И. Пущин «Записки о Пушкине» (1858), П. Анненков «Жизнь и труды Пушкина» (1873), М. Цветаева «Мой Пушкин» (1937), художественно-критический очерк «Пушкин и Пугачев» (1937), В. Ходасевич «О Пушкине» (1937), В. Ходасевич «Пушкин и Николай I» (1938), В. Вересаев «Спутники Пушкина» (1937), Ю. Тынянов «Пушкин» (1932-1943), Л. Гроссман «Пушкин» (серия «Жизнь замечательных людей» (далее – ЖЗЛ) (1960), А. Ахматова «О Пушкине» (1977).

Среди поэтических текстов о Пушкине можно обозначить следующие: В. Кюхельбекер «К Пушкину» (1818), «К Пушкину из его нетопленной комнаты» (1819), Ф. Глинка «К Пушкину» (1820), В. Пушкин «К А. С. Пушкину» (1823), А. Дельвиг «К Пушкину» (1825), Д. Веневитинов «К Пушкину» (1826), Н. Языков «Пушкину» (1826), «К няне А. С. Пушкина» (1827), Н. Гнедич «А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (1832), «Пушкин, прими от Гнедича два в одно время привета...» (1832), И. Мятлев «Подражание Пушкину» (1834), А. Кольцов «Лес» (1837), М. Лермонтов «Смерть поэта» (1837), Ф. Тютчев «29-ое января 1837» (1837), А. Полежаев «Венок на гроб Пушкина» (1842), А. Фет «К памятнику Пушкина» (1880), А. Плещеев «Памяти Пушкина» (1880), А. Жемчужников «Памятник Пушкину» (1880), Я. Полонский «А. С. Пушкин» (1880), А. Майков «Перечитывая Пушкина» (1887), А. Ахматова «В Царском селе» (1911), М. Цветаева «Встреча с Пушкиным» (1913), И. Северянин «Пушкин (1918)», А. Блок «Пушкинскому Дому» (1921), В. Маяковский «Юбилейное» (1924), С. Есенин «Пушкину» (1924), И. Северянин «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!» (1924), А. Ахматова «Кавказское» (1927), Э. Багрицкий «О Пушкине» (1928), М. Цветаева «Стихи к Пушкину» (1931), «Пушкинский гений» (1931), Б. Садовский «Пушкин» (1937), Б. Корнилов «Пушкин в Кишиневе» (1937), А. Ахматова «Пушкин» (1944), В. Рождественский «Памятник юноше Пушкину» (1946), А. Ахматова «Городу Пушкина» (1946), С. Маршак «Пушкин» («У Памятника») (1949), Е. Кропивницкий «Ода Пушкину» (1950), И. Бродский «Памятник Пушкину» (1957), Д. Самойлов «Болдинская осень» (1961), Г. Шпаликов «Три посвящения Пушкину» (1963), Н. Рубцов «О Пушкине» (1965), Б. Окуджава «Не представляю Пушкина без падающего снега» (1966), «Счастливчик Пушкин» (1967), «На фоне Пушкина снимается семейство», А. Дементьев «Встреча Пушкина с Анной Керн» (1973), Л. Филатов «Пушкин» (1984).

Причину столь обширного, ставшего традиционным для литераторов обращения к личности и творчеству А. С. Пушкина пояснил и предсказал еще в 1859 году Аполлон Григорьев (2017): «Пушкин – пока единственный полный очерк нашей народной личности... полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, образ, который мы долго еще будем оттенять красками». Произнесенная Григорьевым фраза «Пушкин – наше все» легла в основу пушкинского мифа, поскольку она очень точно отражает отношение каждой эпохи к личности и творчеству великого поэта и позволяет идентифицировать общее место – поиск национальной идентификации, обращение к самосознанию, самоопределению. Именно народность – тот критерий, который стал определяющим в рецепции образа А. С. Пушкина. Одно из точнейших определений феномена Пушкина появилось еще при жизни поэта и принадлежит Н. В. Гоголю (1835): «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Ф. М. Достоевский (2010) назвал Пушкина выразителем русского национального духа, пророчески предсказав неугасаемый по сей день интерес к личности и творчеству великого поэта: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Наиболее остро, как известно, вопрос о самоидентификации, необходимости самосознания и самоопределения возникает в переломное время, на стыке эпох, в пору политических и, как следствие, социальных потрясений. Именно таким временем станет начало XX века, когда вопрос о русском национальном характере зазвучит с особой силой, что повлечет за собой еще одну волну интереса к личности и творчеству Пушкина. И именно таким временем окажется эпоха 1960-1980-х гг., когда снова встанет вопрос о самоидентификации и народности, когда в СССР активно начнет развиваться неофициальное искусство, добиваясь права быть услышанным. Именно поэтому представляется интересным рассмотреть обращение к личности и творчеству Пушкина представителями двух эпох XX столетия, двух поэтов – символиста В. Брюсова и концептуалиста Д. Пригова, каждый из которых обратился к пушкинскому мифу в попытке разгадать тайну русского национального характера.

Почти вековая давность отделяет первые стихи В. Брюсова от лицейских стихов А. С. Пушкина. И почти вековая давность отделяет нас от стихов Брюсова. Ни время, ни смена исторических эпох, литературных направлений и течений не сокрыли от современного читателя имя Валерия Брюсова. Его интеллектуальная поэзия требует от читателя напряженной работы мысли, энциклопедичности знаний, способности переживать широкий спектр эмоций и чувств. Однако Валерий Брюсов известен не только как поэт, прозаик и драматург, но и как историк, литературовед, публицист. Одним из наиболее знаковых произведений В. Брюсова, включивших его еще в одну важнейшую литературную парадигму, является книга «Мой Пушкин» – сборник статей, посвященных творчеству великого поэта. На протяжении всей жизни Брюсов вдохновлялся творчеством Пушкина и посвятил ему 82 работы, став одним из крупнейших пушкинистов своего времени.

Важно отметить, что Брюсов останавливает внимание как на отдельных произведениях Пушкина (статьи «Гаврилада», «Медный всадник», «Маленькие драмы Пушкина», «Пророк»), в которых литературоведческий

анализ, однако, не вытесняет биографический аспект, так и на исключительно теоретических вопросах (статьи «Стихотворная техника Пушкина», «Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина», «Звукопись Пушкина», «Левизна Пушкина в рифмах»), но наибольший интерес в ракурсе заявленной проблематики обращения к пушкинскому мифу представляют статьи автора, в которых Пушкин-личность проявляется особенно ярко (статьи «Разносторонность Пушкина», «Пушкин и крепостное право», «Пушкин – Мастер»).

В статье «Разносторонность Пушкина» Брюсов пророчески намечает неисчерпаемые потенциалы смысла и творческой интенции пушкинского текста, поясняя это тем, что поэт будто осознавал быстротечность и кратковременность жизни, предчувствовал малость периода, отмеренного ему на земле: «...он включал сложнейшие вопросы, для разработки которых потом требовались многотомные романы, в рамках краткой поэмы или даже – в сухой план произведения, написать которое не имел досуга. И до сих пор по всем направлениям, куда оно порывается, встречаются вежи, поставленные Пушкиным в знак того, что он знал и видел эту тропу» (2018, с. 169). И в этом смысле Брюсов-пушкинник встает в один ряд с классиками – В. Г. Белинским, Н. В. Гоголем, А. А. Григорьевым, Ф. М. Достоевским.

В статье «Пушкин – Мастер» Брюсов сопоставляет Пушкина с Н. М. Карамзиным, осознававшим на различных этапах изучения русской истории, что встречает вопросы, разрешить которые придется будущим исследователям, и говорит: «Пушкин, творя русскую литературу, видел множество возможностей, использовать которые все не мог. <...> Пушкин прокладывает широкую дорогу русской литературе <...> Пушкин в 20-х и в 30-х годах доходил уже до наших дней, а может быть, заглядывал и дальше» (2018, с. 260). И в этом смысле Брюсов вновь выступает провидцем.

Рассуждая о первопричинах возникновения поэтического произведения, Брюсов среди прочих выделяет «задачи мастерства», которые определяет так: «...повторить в своем творчестве творчество другого поэта, воплотить в своем создании дух целого литературного движения, наконец, разрешить ту или иную техническую задачу. При изучении генезиса пушкинских созданий такого рода побуждения ни в коем случае не должны быть забываемы» (2018, с. 241).

Таким образом, оказывается, что в книге «Мой Пушкин», в статьях, посвященных великому поэту и его гению, в словах, восхваляющих его энциклопедический ум и разносторонность интересов, Брюсов сквозь собственные строки проступает фигурой значительной, объемной, многогранной, обнаруживая себя не только знатоком пушкинского творчества, русской и мировой истории, отечественной и зарубежной литератур, но и тонким провидцем. Вероятно, не сознавая того, Брюсов фактически точно предсказывает путь развития русской литературы на ближайшее столетие.

Валерий Брюсов отмечал: «Всеобъемлющий гений Пушкина охватывал все стороны духовной жизни его времени <...>. И вся эта разносторонняя деятельность образует стройное целое, потому что отражает единое миросозерцание <...> Как сочинения Пушкина, так и его убеждения – это живой организм, из которого нельзя изъять одну часть, не повредив целого. <...> Пушкина должно принимать в его целом, и только тогда получаем мы в полноте грандиозный облик нашего национального гения» (2018, с. 153).

Схожую мысль, но другого порядка (масштабированно, укрупненно) высказал младший символист А. Блок: «Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга – философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры» (1962, с. 175-176).

Именно этот подход возьмет за основу более чем через 50 лет поэт-концептуалист Дмитрий Александрович Пригов, «стахановец поэтического цеха» (Шмид, 1994, с. 78), «ведущий представитель и зачинатель современного отечественного концептуального искусства как в области живописи, так и в области поэзии» (Богданова, 2004, с. 454), «патриарх» русского концептуализма» (Скоропанова, 2001, с. 210), который едва ли не в прямом смысле «воплощает концептуализм собственной персоной» (Касьянов, 1994, с. 82). Активная концептуальная работа с собственным литературным имиджем – «одно из проявлений авангардистских устремлений Пригова, унаследованных у футуристов и обэриутов, что вообще выделяет концептуалиста из числа “просто” постмодернистов» (Скоропанова, 2001, с. 210). «...в литературных кругах Дмитрия Александровича Пригова принято считать наипервейшим мэтром концептуализма, и его поэзия – своеобразное лицо течения» (Жуков, 1994, с. 330). Как известно, русский литературный концептуализм вырос из художественных практик. Так Пригов, начинавший как художник, переносил на литературную почву свои художественные опыты. В этой связи первой частью пушкинианы стоит считать вербально-визуальное произведение Пригова – стихограмму «Александр Сергеевич Пушкин». В «Предупреждении от автора», открывающем парижское издание 1985 г. (приложение к журналу «А – Я»), Пригов, обращаясь к читателю-зрителю, акцентируя тем самым амбивалентность своих произведений, поясняет:

«Листы Стихографии <...> прежде всего есть динамика, столкновение живущих текстов, что воспринимается только в чтении как в процессе. И за образцы они имеют себе не предметы изобразительного искусства, а всю культуру официальных и бытовых текстов от газетных лозунгов и шапок до бюрократических циркуляров и прописных истин. Графическая же их сторона есть неизбежный результат языковой структуры, положенной на бумагу. Возникающие в результате этого градация тональности и графические построения делают возможным воспринимать их и как произведения изобразительного искусства. Но воспринимаемые исключительно таким образом, они теряют в содержательности примерно процентов семьдесят...» (1985, с. 5).

Стихोगрамма «Александр Сергеевич Пушкин» представляет собой машинописный текст, состоящий из фраз, отдельных слов, фамилий великих деятелей мировой культуры и истории, сквозь который проступает изображение портрета великого поэта. Поскольку изображение лица Пушкина находится в центре стихограммы, текст сверху, внизу и по бокам изображения оказывается читаемым: «Перед вами великий русский поэт, краса русской и советской наций, гордость всего человечества, смелый соперник титанов духа и искусства всех времен и народов как то: Гомер, Софокл, Эсхил, Эврипид...». Великие имена отечественных и зарубежных государственных деятелей, художников, мастеров слова, композиторов, артистов эстрады, актеров перемежаются известными фразами: «Пришел, увидел, победил», «Аве цезарь маритуре те салютант», «Цель оправдывает средства», «Оставь надежду, всяк сюда входящий», «О, красotka молодая, я твой раб, на все готовый», «А все-таки она вертится» (орф. сохранена), «По ком звонит колокол», «Быть или не быть – вот из э квесчен», «Нет повести печальнее на свете, чем повесть», «Тяжело в ученье, легко в бою», «Добьем врага в логове», «Патронов не жалеть», «Если враг не сдается – его уничтожают», «Выходила на берег Катюша», «Сизый лети голубок». За всеми словами проступает очертание лика Пушкина, что подразумевает – Пушкин в основе всего, а сама стихограмма является визуально-вербальным отображением ставшего крылатым выражения Григорьева «Пушкин – наше все».

Образ Александра Сергеевича Пушкина и его поэтическое наследие занимают совершенно особое место в творчестве Дмитрия Александровича Пригова. Получивший в 1993 году Пушкинскую премию, поэт-концептуалист на протяжении многих лет создавал свою пушкиниану, текст которой на первый взгляд может показаться бессмыслицей, абсурдом, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что Пригов-концептуалист, отрицая традиционность, чтобы развенчать привычный образ великого поэта, вновь обращается к пушкинскому тексту и к его личности (в сходной манере другой писатель-концептуалист В. Сорокин пишет роман о смерти романа (жанра) и Романа (героя), провозглашая тем самым рождение нового романа, «смертью смерть поправ»), о чем говорит в одном из стихотворений, посвященных А. С. Пушкину:

Во всех деревнях, уголках бы ничтожных
Я бюсты везде бы поставил его
А вот бы стихи я его уничтожил –
Ведь образ они принижают его (Пригов, 2016, с. 526).

Пригов признавался, что в своих поэтических практиках он не мог «миновать и алмазного пушкинского, как в смысле полноты объема материала эксперимента, так и специфики его в качестве наиболее маркированного и посему показательно-наглядного» (2019, с. 563). При этом поэт обращает внимание читателей на то, что он «нисколько не хотел акцентировать свои авторские амбиции» и что его основной задачей было «наилучшим и наименее интереснейшим способом зафиксировать читательское внимание, столь чутко реагирующее на любое поминание конституированного и этаблированного культурного материала, тем более такого, как кристальные пушкинские строки и строфы» (Пригов, 2019, с. 563). Более того, Пригов предостерегает читателей «неподготовленных» от возможного эффекта, «призрака некоторого кощунства или издевательства, иногда прямо-таки сознательного уничтожения классика», заверяя со всей ответственностью: «Ничего подобного, мне инкриминированного, не было даже и в мыслях, не говоря уже о помыслах» (2019, с. 563).

Цикл «Пушкинские места» вобрал и воплотил все лучшее (наиболее популярное = стереотипное), что всенародно известно о поэте и его творчестве. Как и Брюсов, Пригов составляет свою пушкиниану из различных аспектов обращения к теме Пушкина. Так, некоторые главы посвящены его биографии («Жизнь замечательных людей» (1974)), центральной темой ряда глав оказываются конкретные произведения – «Евгений Онегин» (1978) и «Евгений Онегин Пушкина» (1992), «Пушкинский Безумный Всадник», другие главы обращены к феномену пушкинского стиха («Весеннеморфное Пушкинское» (1998), «Зимнеморфное Пушкинское» (1998)).

Важно отметить, что в первую очередь поэту-концептуалисту интересен не Пушкин-литератор, а Пушкин мифологический, поп-герой российского и советского пространства:

Внимательно коль приглядеться сегодня
Увидишь, что Пушкин, который певец
Пожалуй, скорее что бог плодородья
И стад охранитель, и народа отец (Пригов, 2016, с. 526).

Именно поэтому цикл «Пушкинские места» открывает глава с говорящим названием и интригующим пояснением (приводим написание автора) «Жизнь замечательных людей из серии: Жизнь замечательных зверей» (1974), настраивая читателей на восприятие биографических сведений о Пушкине.

Первая часть названия встраивает Пригова в традицию русской литературы и ставит рядом с автором «первой книги» серии «ЖЗЛ» о Пушкине – советским писателем Леонидом Гроссманом. Однако ожидания читателя оказываются обмануты, а герменевтическая ситуация требует разъяснений. Глава состоит из четырех частей, представляющих собой четыре разные биографии поэта, где Пушкин носит черты Пригова (первая), Л. Н. Толстого (вторая), Ф. М. Достоевского (третья) и в четвертой является неким собирательным образом, поскольку женат был три раза – на Гончаровой, на Исаевой, на Книппер-Чеховой, а в возрасте семидесяти лет покончил с собой от неразделенной любви к Денисьевой (в девичестве Брик) в своем родовом поместье Ясная Поляна (Пригов, 2019, с. 522-523).

Интересно, что Пригов приписывает Пушкину не только факты чужих биографий, но и авторство текстов, принадлежащих классикам («Севастопольские рассказы», «О, Волга, колыбель моя!»). Брюсов, размышляя о феномене Пушкина, высказывает важнейшее наблюдение, по сути, объясняющее «темное место» приговского текста. «Многие, самые значительные из позднейших созданий русской литературы, в сущности, развили темы, данные Пушкиным. Петербургские повести Гоголя вышли из внешних описаний “Медного Всадника”. Напротив, идея “Медного Всадника” целиком легла в основу “Преступления и наказания”: имеет ли право человек ради целей, которые он считает высокими, жертвовать жизнью другого человека? <...> Идея “Цыган” повторена в “Анне Карениной”...» (Брюсов, 2018, с. 259).

Известно, что одним из константных приемов концептуалистов является прием опредмечивания метафоры. В данном случае Пригов буквализирует крылатое выражение «Пушкин – наше все». Неважно, что все сведения изменены и хаотизированы, важно, что все упомянутые писатели и поэты пишут русским литературным языком, то есть появились в литературном пространстве благодаря Пушкину, а значит, его биография (может быть) соткана из сотен других, породила многие другие биографии, а их произведения появились благодаря творческому наследию великого поэта. Именно потому жив до сих пор пушкинский миф, вбирающий в себя все больше новых деталей и подробностей.

Обращение к тексту «Евгения Онегина» и его переписывание при помощи разных способов/методик/концептов Пригов назвал словом *проект*: «Данный проект <...> возник достаточно давно, где-то в середине – конце семидесятых, когда я весьма активно занимался осуществлением многообразных идей в сфере визуально-манипулятивных текстов» (2019, с. 563).

С тех пор Пригов постоянно возвращался к «Евгению Онегину», практикуя различные манипуляции с текстом. Первым опытом становится приговский «Евгений Онегин» 1978 года, где в качестве материала концептуалист выбирает знаковую строфу «Мой дядя самых честных правил...». Действительно, первая строфа пушкинского «Евгения Онегина» хорошо известна читателям еще со школьных лет, и Пригов в его «пушкинских» практиках именно к ней обращается чаще других, называя ее «мантрой высокой русской культуры» (2019, с. 603), текстом, «исполненным наивысшего смысла в пределах русской культуры» (2019, с. 601). Примечательно, что Пушкин в тексте романа называет Онегина «мой Евгений», Пригов – «наш Евгений», словно бы тем самым подчеркивая, что пушкинские строки, как и сам его герой, принадлежат не автору, а читателю, еще шире – всей русской культуре.

В «Восьмой азбуке (про дядю)» 1984 года Пригов и вовсе оставит только строку про дядю, предварительно объявив в Предупреждении, что «пушкинский дядя не есть явление чисто литературное. Он – дядя с большой буквы. И даже больше – допушкинский Дядя, сверхпушкинский Дядя, внепушкинский сверх-Дядя, во времена Пушкина объявившийся как Дядя русского литературного языка» (2019, с. 548). Пригов конструирует 29 строк, в которых сохраняется фраза «дядя самых честных правил» таким образом, чтобы каждую строку начинала последующая буква алфавита. В 29 строках буквы сменяются поочередно от А до Я (за исключением Й, Ъ, Ы, Ь), а финальная 30-я строка вновь начинается с первой буквы алфавита, которая открывает ироничную в созданном Приговым контексте фразу («А что?» (2019, с. 549)), а при рассмотрении текста как акростиha возникает традиционное для русской литературы ощущение философской глубины, неисчерпаемости смысла столь простой формулы, закольцованности миробытия, ощущение бесконечности, которое тут же скатывается в низменно-шутливое «У попа была собака...».

Спустя два года Пригов напишет «Оральную кантату (Дядя и девочка)» (1986), в предупреждении к которой обратит внимание читателя на звуки, а вернее, на вокалическую решетку самого знаменитого онегинского стиха: «...но как звуки звучат, как звучат! – ой яя аых аил!» (2019, с. 592). Здесь стоит обратить внимание на название, которое при первом прочтении (пока читатель еще не ознакомился с самим текстом) может показаться речево неверным, плеонастическим. Однако по мере знакомства с текстом, который по своему интонационному окрасу состоит по большей части из восклицательных предложений, читатель понимает, что слово «оральный» в данном случае употреблено в качестве окказионализма, образованного Приговым от глагола орать. И тогда ошибка плеонастического словосочетания «оральная кантата» оказывается снята. Пригов указывает на эмоциональный накал происходящего.

В 1992 году появится наиболее известный и вызвавший большой интерес литературоведов и критиков текст проекта под названием «Евгений Онегин Пушкина (фрагменты)», в предупреждении к которому Пригов указывает на ценность, если не сказать на священность текста, сопоставляя свою работу с работой монастырских переписчиков, которые были терпеливы и восторженны, «обнаруживали как бы смирение и благоговение, как качества маркированного и отмечаемого с благосклонностью литературного поведения» (2019, с. 564). При этом важно обратить внимание на то, что монахи при переписывании текста ушедшей эпохи видели его глазами своих современников, а по сему иногда заменяли слова, вышедшие из употребления. Именно так поступает и Пригов-концептуалист, другое дело, что объяснение подобной замены оказывается иным, более того, он оговаривает его в Предупреждении и даже присваивает процессу подобной замены слов термин – «лермонтизация», суть которого заключается в воспроизведении текста по памяти, «когда память услужливо искажает текст в сторону доминирующих современных стилистических приемов и наиболее употребительных слов, то есть на место как бы забытого эпитета вставлялось либо “безумный”, либо “неземной” (в зависимости от количества слогов в заменяемом слове)» (2019, с. 565). Выбор именно этих эпитетов Пригов поясняет тем, что текст «как бы прочитан глазами последующей (естественно, последующей после Пушкина) превалирующей романтической традиции (в смысле, Чайковского)» (2019, с. 565).

По мнению М. Ямпольского, Пригова в данном случае интересует механизм автоматизированной генерации текста, когда пушкинский эпитет механически заменяется другим словом, при этом важно, что сам процесс такой замены должен вызывать в сознании читателя восторг, а значит, сильный аффект, который приводит к «абсолютной десемантизации своего выражения». Ямпольский отмечает, что «Пригов касается глубинных механизмов творчества, в которых эмоции, аффекту отводится важное место» (2016, с. 159). М. Липовецкий расширяет смысловое поле приговской апроприации романа в стихах и говорит о том, что Пригов «разворачивает потенциал, скрытый в оригинале и уже раскрытый всей последующей романтической традицией» (Липовецкий, 2019, с. 35), создает яркий комический эффект путем совмещения пушкинского текста и того, как он запечатлен культурой. М. Липовецкий (2019, с. 36) говорит о том, что присвоенный традицией текст утрачивает авторство и становится абсурдным («безумным»), в то же время воплощая возвышенное («неземное»). И в этой связи приводит термин *détournement*, использовавшийся Ги Дебором и участниками авангардистского движения «Ситуационистский интернационал» (1957-1973), одновременно обозначающий отклонение и повторение, когда воспроизведение всеобщего известного объекта культуры приводит к его разрушению (Дебор, Вольман, 2018).

Согласно традиции, литераторы обращаются к пушкинской теме не только в рамках биографического и теоретического исследования феномена национального гения, но и в стихах.

Так, Брюсов, отдавая дань гению великого поэта, пишет стихотворение «К Медному Всаднику» (1906), в котором представлен ретроспективный взгляд на события, свидетелем которых оказался памятник, при этом события вымышленные и реальные оказываются уравниваемы – памятник помнит и безумца Евгения («И тщетно грозил тебе бедный Евгений, / Охвачен безумием, яростью полн»), и декабрьское восстание («Стоял ты, когда между криков и гула / Покинутой рати ложились тела» (2023, с. 88)).

Брюсов присваивает памятнику право вечного горделивого созерцания как событий российской истории, так и отдельных судеб простых («маленьких») русских людей: «Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный, / С рукою простертой лежишь на коне» (2023, с. 88). При этом важно, что для Брюсова памятник не истукан, это бессмертный всадник, Петр I, неустанно смотрящий на свое творение: «В морозном тумане белеет Исаакий. / На глыбе оснеженной высится Петр» (2023, с. 88).

Царь-реформатор, создатель Российской Империи бессмертен в своем творении. Интересно, что в литературоцентричной России обращение к Медному Всаднику оказывается двойственным. Образ самодержца Петра I неотделим от героя пушкинской Петербургской повести, при упоминании словосочетания «Медный Всадник» невольно возникает ассоциация как с фигурой великого российского императора, так и с творениями Пушкина, что точно сумел передать Брюсов.

Еще одним связующим звеном в литературной цепи оказывается жанр памятника, к которому обращались многие поэты, осмысляя свое творчество и предъявляя право на народную любовь. Брюсов следует традиции и создает свой «Памятник» (1912), имеющий классическое построение, в четвертой строфе называющий главную заслугу поэта: «За многих думал я, за всех знал муки страсти...» (2023, с. 108).

Известно, что приговский текст растворяет в себе множество имиджей-масок и соответственно этому – множество языков и стилей (Богданова, 2004, с. 462), в этой связи Л. Рубинштейн пишет о взаимодействии в нем «различных языковых пространств, различных жанров языка» (1991, с. 234). В случае обращения к пушкинской теме Пригов выступает как поэт-концептуалист Дмитрий Александрович Пригов (!), который в рамках литературной традиции развивает тему поэта и поэзии, поэта и толпы, творческого наследия, однако их звучание представляется иным – в некоторых стихах игровое начало берет верх, следуя постмодернистской установке на безыдейность, а в некоторых сталкивается с глубиной смысла, и тогда поэт оказывается на грани преодоления концептуализма, а его тексты обнаруживают смысловую глубину.

Так, Пригов, игрово следуя литературной традиции, пишет стихотворение про памятник, однако не себе, а Пушкину. Вопреки ожиданию читателя, главным объектом изображения оказывается не словесное мастерство поэта, а «рукотворный памятник», само изваяние, уставшее от службы народу: «Памятник Пушкину сложивши / Пожитки своих медных дел / Сказал...» (Пригов, 2019, с. 323). Пригов называет известность Пушкина «славой жуткой», поскольку Пушкин воспринимается Приговым как самый «растиражированный», «освоенный» массовым сознанием поэт (эта тема, кстати, станет одной из наиболее пронзительно звучащих в «Заповеднике» С. Довлатова) и явное воплощение культурной гегемонии. Пригов пояснял свое восприятие Пушкина так: «Пушкин был официальным государственным поэтом, был почти героем Советского Союза, он был борец за демократию в давние времена, т. е. Пушкин – это был Ленин моего времени. Поэтому он входил в наши понятия в качестве какого-то поп-государственного героя с детских лет – и было немного фигур, так присутствовавших в личной жизни, в жизни школьной и институтской. Это были Сталин, Пушкин и меньше – Толстой. Именно поэтому Пушкин сразу вошел в меня как некое божество, тексты которого, собственно говоря, только разжигали его значимость, поэтому у меня есть такое стихотворение, где я говорю о том, что тексты его надо уничтожить, потому что они принимают его образ» (2019, с. 33).

Важным представляется наблюдение о том, что вопреки отрицанию пушкинского наследия и желанию нивелировать его, оставив в памяти потомков лишь Пушкина-героя, Пригов пишет много стихов о Пушкине и его наследии, а значит, продолжает традицию, органично встраиваясь в русский литературный процесс. При этом важно, что «пушкинские» стихи имеют важный и глубокий смысл. Именно с Пушкиным связаны стихи, относящиеся к теме поэта и поэзии, и именно они обнаруживают смысловую глубину в отлучии от традиционно постмодернистских «Я устал уже на первой строчке...» (Пригов, 2013, с. 132).

Программным стихотворением темы поэта и поэзии можно назвать «Когда я размышляю о поэзии, как ей дальше быть», в котором Пригов говорит о том, почему его современники должны любить его больше, чем Пушкина. Во второй строфе Пригов размышляет о причинах, по которым он должен быть любим народом (и в этом снова традиционность, которая отсылает нас к четвертой строфе классического стихотворного памятника):

Я пишу о том, что с ними происходит, или происходило,
или произойдет –
им каждый факт знаком
И говорю им это понятным нашим общим языком (2016, с. 62).

Фактически Пригов предъявляет право на народную любовь за те же заслуги, которые оставили поэзию Пушкина в памяти народной. Безусловно, обращает на себя внимание акцент Пригова на своей заслуге, заключающейся в том, что он говорит с народом «понятным нашим общим языком». Однако последнее четверостишие оказывается поистине игровым, концептуалистским, блестяще выполненным:

А если они все-таки любят Пушкина больше чем меня,
так это потому, что я
добрый и честный:
не поношу его, не посягаю
на его стихи, его славу,
его честь
Да и как же я могу поносить все это, когда я тот самый
Пушкин и есть (Пригов, 2016, с. 63).

Пригов обращается к вопросу о «предназначении поэта и поэзии», о «целях и задачах поэзии» вопреки декларированной в постмодерне идее о «неслужебности» творчества. Более того, Пригов обращается к этим вопросам и в рамках поэтического творчества, и на уровне теоретических размышлений (Богданова, 2004, с. 478). Однозначной оценки критики на этот счет нет. По словам В. Шмида, само количество написанных Приговым стихов «исключает всякое представление о поэте-пророке, о создателе возвышенного и прекрасного» (1994, с. 77). Вопреки этому мнению, В. Курицын пишет: «Пригов – диктатор, он не пишет, а вещает. Для него обычен нравоучительный тон. Его стихи – амвон, кафедра, Пригов увещевает, вдалбливает, внедряет, сеет... Его творчество: служение Аполлону, обозначение сакральной функции поэта с Большой Буквы» (1993, с. 142). Сам Пригов на вопрос, хочет ли он «научить человечество чему-нибудь» (А. Зорин), отвечает: «Мне кажется, что своим способом жизни в искусстве я и учу <...>. Я являю то, что искусство и должно являть, – свободу...» (Пригов как Пушкин, 1993, с. 128). О. Богданова (2004) указывает на то, что применительно к творчеству Пригова вопрос о предназначении поэта и поэзии не исключает «дидактичности», другое дело, что приемы «извлечения морали» и сам характер «проповедования» серьезно изменились в сравнении с классическим периодом русской литературы.

Мы же, в свою очередь, дополним и скажем, что в данном случае Пригов оказывается на грани преодоления концептуализма. Литературная игра, выполненная филигранно, с одной стороны, приводит финал к бессмыслице, абсурду, однако в контексте всего вышесказанного в последней строфе («А если они все-таки любят Пушкина больше чем меня...») за «вездесущей и всеохватывающей иронией» (В. Шмид) вычитывается глубокий смысл: в каждом поэте есть «Пушкин», едва ли не в каждом русском человеке есть «Пушкин», национальный гений, создавший современный русский литературный язык, определяющий тип сознания, ментальность, особенности русского национального характера.

В приведенном в начале высказывании В. Г. Белинского звучит очень важная мысль: каждая эпоха оставляет свой миф о Пушкине, свое восприятие его творчества и личности этого человека, и какими бы ни были социокультурные обстоятельства, каждая эпоха всегда хочет оставить о Пушкине собственный миф. Таким образом, восприятие Пушкина оказывается своеобразным мерилем каждой эпохи, неким константным знаменателем, который каждый раз встречается с разными числителями. Говоря афористически, каков век – такова и пушкиниана.

Заключение

Итак, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, при рассмотрении структурно-композиционной системы пушкиниан В. Брюсова и Д. Пригова выявлена общность – оба автора обращаются к отдельным вехам биографии Пушкина, однако если для Брюсова обращение к жизненному пути поэта оказывается определено использованием биографического метода при исследовании творческого наследия Пушкина, то для Пригова обращение к истории жизненного пути поэта становится поистине игровым. Наполняя биографию (вернее, три различных варианта биографии) Пушкина фактами чужой жизни, в которой угадываются повороты судеб других литераторов, Пригов по-новому интерпретирует, едва ли не буквализирует, ставшие академическими слова А. Григорьева «Пушкин – наше все». Во-вторых, в ходе исследования установлено, что «общим местом» обеих пушкиниан оказывается интерес к наиболее репрезентативным текстам великого поэта. Так, Брюсов посвящает целую статью петербургской повести с одноименным названием «Медный всадник», Пригов же обращается к тексту Пушкина диалогически, как поэт нового времени, выросший, однако, на стихах Пушкина,

а именно – создает «Пушкинский Безумный Всадник», т. е. переписывает пушкинский текст так, как воспроизводит его память, искажая текст в сторону доминирующих стилистических приемов и наиболее употребительных слов. В-третьих, анализ лирики обоих поэтов показал, что в обращении к пушкинской теме В. Брюсов отдает дань наследию гения русской словесности, видит его черты в повседневной жизни, отмечает его незримое присутствие (стихотворение «К Медному Всаднику»), а также, следуя литературной традиции, пишет стихотворение в жанре памятника, следуя композиционно и тематически за пушкинским памятником. Пригов же в лирике часто обращается к теме Пушкина, разрабатывая темы поэта и толпы, поэта и поэзии, поэтического наследия, однако обращение это носит, на первый взгляд, игровой характер. Так, Пригов создает стихотворение «Памятник», которое оказывается посвящено самому руковорному монументу и тяготам его существования. Пригов использует константный прием – буквализации, опредмечивания метафоры, заставляя взглянуть на «Пушкинский памятник» под другим углом. Однако поэзия Пригова, отрицающая стихи Пушкина, выросла именно на строках великого поэта. Пригов осознает это и задается вопросом о роли, степени значимости, весомости влияния на читателя современного поэта – Дмитрия Александровича Пригова, о том, кому принадлежит народная любовь – ему или Пушкину. И в этой точке обращения к традиции Пригов встраивается в непрерывный литературный процесс, преодолевая концептуализм, намечая глубокое идейное содержание своих стихов, обнаруживая смысловые пласты своего поэтического слова.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать детальное рассмотрение поэтических текстов Д. Пригова о Пушкине с целью выявления более широкого спектра концептуалистских приемов (в том числе и лингвистических) литературного диалога с Пушкиным.

Источники | References

1. Айзенберг М. Власть тьмы кавычек // Знамя. 1997. № 2.
2. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX – начало XXI века). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004.
3. Дебор Г., Вольман Ж. Методика *detournement* / пер. с франц. С. Михайленко. 2018. <http://hylaea.ru/detournement.html>
4. Жуков И. О творчестве Винни-Пуха и концептуализме // Вопросы литературы. 1994. № 1.
5. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: НЛО, 2000.
6. Касьянов С. Размышления об одиноком прохожем // Юность. 1994. № 3.
7. Кукулин И. В. Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019.
8. Кукулин И. В., Липовецкий М. Н. Партизанский логос: проект Дмитрия Александровича Пригова. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
9. Курицын В. Пригова много // Театр. 1993. № 1.
10. Курицын В. Русский литературный постмодернизм М.: ОГИ, 2001.
11. Липовецкий М. Н. Искусство быть другим // Пригов Д. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: НЛО, 2019. Т. 4. Места.
12. Липовецкий М. Н., Кукулин И. В., Майофис М. Л., Добренко Е. Л. Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940-2007). М.: НЛО, 2010.
13. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920-2000-х годов. М.: НЛО, 2008.
14. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009.
15. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П. Баллада о современной отечественной поэзии: пути и характер трансформации жанровой формы // Научный диалог. 2019. № 8.
16. Пригов и концептуализм: сборник статей и материалов / сост.: Ж. Галиева. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
17. Рубинштейн Л. Что тут можно сказать... // Личное дело №: литературно-художественный альманах / сост. Л. Рубинштейн. М.: В/О «Союзтеатр», 1991.
18. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2001.
19. Шмид В. Слово о Дмитрие Александровиче Пригове // Знамя. 1994. № 8.
20. Ямпольский М. Б. Пригов: очерки художественного номинализма. М.: НЛО, 2016.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

Информация об авторах | Author information

Жилене Екатерина Сергеевна¹, к. филол. н.

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

Ekaterina Sergeevna Zhilene¹, PhD

¹ St. Petersburg State Institute of Culture;
F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

¹ ebibergan@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.06.2024; опубликовано online (published online): 22.07.2024.

Ключевые слова (keywords): образ А. Пушкина в поэзии концептуализма; пушкинский миф в творчестве Д. Пригова; пушкиниана В. Брюсова; поэзия концептуализма; the image of A. Pushkin in the poetry of conceptualism; the Pushkin myth in the works of D. Prigov; V. Bryusov's Pushkiniana; poetry of conceptualism.